

Утина Паганини
Слова про слова
без цензуры

Утина Паганини
Слова про слова. Без цензуры

«Издательские решения»

Паганини У.

Слова про слова. Без цензуры / У. Паганини — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932452-8

Сборник «Слова про слова» состоит из семи глав:1. Легкомыслие в тяжёлой форме;2. Галлюцинации по поводу реальности;3. Слоноблудие;4. Тринадцать ступенек;5. Записки просветлённой;6. Дурдом на колёсиках (стихи в прозе);7. Утомительная сказка + бонус (две утомительные поэмы)

ISBN 978-5-44-932452-8

© Паганини У.
© Издательские решения

Содержание

Когда нечего сказать (вместо предисловия)	7
Легкомыслие в тяжёлой форме	8
Цунами	8
Пейзаж	9
Я просто вышла покурить	10
В различиях ничуть не меньше сходства	11
Письма мертвеца	12
Овцы-вурдалаки	13
Обманите!	14
Ворон	15
Мы просто улетающие птицы	16
Прохожий	17
Луна	19
О любви	20
Маэстро и вдова Паганини	21
Город-призрак	22
На съедение планктона	24
Гений должен умереть	26
В 43-м гробу	27
Смешная осень	28
Город	29
Ведьма пьёт чай без сахара	30
Прикоснуться рукой к проводам	31
Трамвай на Нараяму	32
Сон	33
Иероглиф	35
Мысли	36
Счастье	37
неслучайно	38
Человек с пробитой головой	39
Летучие фрегаты	40
Моё!	41
Звёзд на небе нет!	42
Время	43
Найди в душе своей взрывчатку!	44
Слова про слова	45
На дне рожденья	46
В Никуда	47
С колеса Сансары	48
Догореть	49
Нищие в метро	50
Плачут берёзы	51
Нерождённые Мы	52
Прощание с Зимой	53
Что нам до...	54
Космическая пантомима	55

Я так хотела	56
Пусть	58
Галлюцинации по поводу реальности	59
а Он курит и верит	59
не досчитав до ста	60
они спят	61
неполиткорректное	62
известие	63
последний литр	64
все мы немного танкисты	65
стих	66
на съедение	67
тень	68
Маяковский в кружевной пижамке	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Слова про слова Без цензуры

Утина Паганини

© Утина Паганини, 2018

ISBN 978-5-4493-2452-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда нечего сказать (вместо предисловия)

Существуют такие поступки, которые если не совершишь сегодня, завтра, попросту, не поднимется рука. И не мудрено, ибо сегодня ты не такой, как вчера, а завтра будешь не таким, как сегодня... Но стоит ли стесняться того, каким ты был вчера? А если стоит, то чего? Впрочем, подобную цепочку риторических вопросов можно продолжать вечно...

Так что, я решила, не тратя на это время, прогрызть пикантную дырочку в будущее и утончённо плюнуть накопленными озарениями и заблуждениями, предавая угрозе индивидуальной интерпретации раскалённые чувства, оформленные в желчные словесные конструкции, которые так же далеки от истины, как два противоположных берега Индийского океана...

Ну, а если Некто, тратя ежедневно по несколько часов на перечитывание сих, с позволения сказать, творений, найдёт их заурядными и тошнотворными, окончательно разочаровавшись, ничего не останется, как принять это за успех:) Ибо всё в этом мире состоит из условных атомов и у каждого свои галлюцинации по поводу зыбкой реальности. А разочарование, это когда хочется прижать к груди весь мир и вдруг оказывается, что она не настолько большая...

Будьте счастливы!!!

Легкомыслие в тяжёлой форме

Цунами

Природа, в припадке врываясь с разбега
С отчаянным рёвом в сердца площадей,
Взывает о поступи сверхчеловека...
Планета устала от недолюдей

Развратных и мелочных, кислых, безвольных...
Презренные туши рабов и господ
Давясь поглощают взъерённые волны...
Уносят в пучину бунтующих вод

Грязь, алчность, хандру и нелепые склоки...
Срывают вериги с закованных рек...
И тыкают пальцами в небо пророки,
Гадая, где явится сверхчеловек...

Над гребнем стихии дрожащие тени
И ветер играет торжественный туш...
Цунами неистует, как воплощенье
Броженья и смут ограниченных душ.

Пейзаж

Ночь, собрав чудеса в узелок,
обернулась Авророй крылатой...
И по стоптанным спинам дорог
снова мчится на пастбище стадо.

Пляшет кисть, прикасаясь к холсту,
заполняя росистой прохладой...
Разве важно в каком ты ряду
многоглавого счётного стада?

Стародавний мотив луговой
примиряет последних и первых.
Лишь волков металлический вой
режет слух и щипает за нервы.

Где-то там за летучей рекой,
что с горы направляется к морю
бродят волки в долине глухой,
вольным ветрам воинственно вторя.

Возмущает покой мирных стад,
оглушая пронзительным воем,
дерзких горнов расстроенный лад:
«Если можешь, то выйди из строя!»

Пастухов негодующий рог —
нет над стадом всесильнее власти.
Дружный ропот – разумный итог:
«Нужно ль нам столь туманное счастье?»

Тёплый хлев – нерушимый блиндаж,
грохот вёдер, родные помои...
На рассвете привычный пейзаж...
Даже волки по-прежнему воют...

Я просто вышла покурить

Небесный свод зиял свинцовым дулом,
Постукивая звёздами по лбу...
Я вышла покурить и оглянулась —
Кого же там выносят во гробу??
Какое-то нелепое смятенье,
Наигранные жесты, скользкий шаг...
Слегка мерцают... словно приведенья...
Нет, что-то тут, по-моему, не так...
Полк скорбных взглядов, слёзы и одышка —
Всё втянуто искусно в кутерьму...
И, напрягая жалкие умишка,
Уже распределяют – что кому...
Виновница немого карнавала
Смотрела строго из небытия...
И, подойдя поближе, я узнала...
Какого чёрта??... Неужели я??
Неистово брыкаясь, я рыдала,
Махала кулаками во всю прыть:
«Куда вы меня тащите, вандалы??
Ведь я всего лишь вышла покурить!!»
Скрывая телеса под длинной рясой
Надсадно отпевал священный сан,
А после пили водку, жрали мясо,
Порвали балалайку и баян...
Как говорится – вот и доигралась...
И ничего уже не изменить.
Но только мне навязчиво казалось,
Что я всего лишь вышла покурить...

В различиях ничуть не меньше сходства

В различиях ничуть не меньше сходства,
Чем в дифирамбах лицемерных фраз...
Очарованье близкое к уродству
Ни раз манило, отвращая нас...
Юнец, что присно думает о вечном,
Так стар... А дед с белёсой бородой
Кривляется задорно и беспечно...
В душе он, очевидно, молодой!
В толпе, подчас, смертельно одиноко...
Несложно спутать случай и судьбу...
И от живых бывает столько проку,
Как от лежащих чинно во гробу...
Петь можно молча и кричать беззвучно...
Порой неясно – сеешь, или жнёшь...
Веселье, зачастую, крайне скучно,
А истина сомнительней, чем ложь...
Всё иллюзорно... и одно бесспорно —
Незыблемых оплотов в мире нет!
Вот вам, должно быть, кажется – я в чёрном?!
Зажгите, сударь, на минутку свет!
Теперь смотрите! ... вздохи изумленья...
Тревожный шелест губ поверх голов:
«Она вся в белом... в белом, без сомненья!!»
Всё это лишь игра теней и слов...
Под маской льда нередко море страсти...
А преданность возможна даже в ссоре...
Нам слёзы лить доводится от счастья
И надрываться со смеху от горя...
Сжимать внутри, что тянется наружу
И приступ страха выдавать за смелость...
Быть может потому мы наши души
Привыкли свято принимать за тело...

Письма мертвеца

Вновь почтальон принес в конверт одетое
Испачканное прахом письмецо:
«Не уж то нынче пишут с того света?»
И подал, усмехаясь мне в лицо:
Да, да. Смешно. Письмо без адресанта.
В который раз. С трагическим концом.
«Ещё жива? Я тоже жил когда-то...
Представь, я раньше не был мертвецом!»
Признание ледящего курсива...
«Однажды мне приснилась пустота
И умер я внезапно. И красиво...
Хотя казалось – буду жить всегда...
Я помню до сих пор леса и реки...
Их шелест проглотила тишина...
И, кажется, что не жил я вовеки...
Хоть точно знаю – жил! Но не сполна...
Так ярко жил!... а главного не понял...
Я многих не простил и потерял...
Мерещился звездой на сером фоне,
А догорел в мгновенье! И упал.
Я был любим... И... мною дорожили.
Я верил грёзам, в цели, в волшебство...
Да. Было. А теперь в сырой могиле
Лежу, не стоя ровно ничего...
Поэзия моя давно уж стёрта...
Поверь, я был отчаянный боец...»
Я надрываюсь: «О, какого чёрта
Ты пишешь мне, назойливый мертвец?!
Зачем упорно тянешь мою душу
Своим ехидно-искренним словцом?!»
А он в ответ смеётся: «Нет... послушай!
И ты однажды станешь мертвецом...
Так будь же сострадательней и проще!
И... не носи под сердцем суеты!...
Нам уготовлен всем в тенистой роще,
Покой, где сплошь могилы и кресты...
Где твердь питают искренние слёзы,
Там мягче стелет матушка-земля.
Не важно, кем ты был – простым матросом...
Отважным капитаном корабля...»
«Мертвец! Несправедливый... и... жестокий!
Ты хочешь известить меня с ума!»
В конце письма постскриптум: «Эти строки
Ты только что придумала сама.»

Овцы-вурдалаки

На склонах, орошённых кровью,
Лужайках, где зимуют раки,
Пасутся овцы-вурдалаки...
И пусть пасутся на здоровье!

Холёным тонкорунным стадом,
Под ножницы подставив спины,
Покорно блеют. Так невинны...
Пронзают души волчьим взглядом

До слёз исполненным страданья...
Ягнят родных загрысть готовы
(Вы не подумайте плохого)
Сугубо ради пропитанья...

Обманите!

В лабиринте ролей и наитий
Я как зверь, угодивший в капкан...
Обречённо шепчу – Обманите!
Только так, чтоб поверить в обман.
Опоите бульоном, микстурой...
Лишь бы чувствовать ласку в руках,
Беспощадно спускающих шкуру,
Не барахтаться в тесных силках
За приют принимая темницу...
И, кроша, как на корм воронья,
Приносить в жертву чьих-то амбиций
Фанатично распятое Я...
Признавать в шимпанзе человека,
В сумасбродных шагах – героизм...
И считать самой нежной опекой
Чью-то манию и эгоизм.
Называть мазохиста аскетом,
Фатализмом оправдывать лень
И палить по живым силуэтам,
Видя в каждом всего лишь мишень.
Дайте несколько капель забвенья!
Я слижу с самой гнусной руки.
И санскрит, и латинский, и квенья —
Пусть смешаются все языки...
Лишь бы видеть во тьме добродетель
И желать только блюда с витрин,
Лишь бы было всё в розовом цвете,
Не бросался в глаза октарин.

Ворон

Пылью мягко стелется
Серость в городах,
Бесы мирно селятся
В душах изо льда,
На колёса мельниц
Сыпется песок,
В чудеса не верится...
Всё наискосок...
Люди-побрякушки,
Легионы щёк...
Расскажи, кукушка,
Сколько мне ещё...?
День, срывая шторы,
Пишет грязный джаз...
Выключь, чёрный ворон,
Хоть один мне глаз!
Пересохли строчки
В рюмке на столе.
Я хочу стать точкой
На твоём крыле.
Век над синим морем,
Порохом кружить...
Покажи мне, ворон,
Что такое жизнь...
Дай мне, чёрный ворон,
Кое-что понять —
Чем опасны взоры,
Брошенные вспять,
Впрямь ли может время
Подвести итог,
Сколько весит бремя,
Что я за игрок...?
Как замедлить пулю,
Пущенную в лоб?
В радость я живу ли
Или всем назло?
Над девятым валом
На тропе зарниц
Спутницей я стала
Стаи чёрных птиц.
Небеса качаются,
Падает звезда...
Чудеса случаются!
Только иногда...

Мы просто улетающие птицы

Просторы меря ястребиным взором,
Над пропастью кружа ветрам назло,
Глумимся над фатальным приговором
И падаем, разбившись о стекло...

Нам хочется отчаянно прибиться
К кормушкам чьих-то мыслей и стадам...
Но, неизменно, одинокой птицей
Мы держим путь с рожденья в никуда...

Пытаемся упорно притвориться,
Но тянут вниз фальшивые крыла...
Мы просто улетающие птицы
В далёкий край, где нет добра и зла...

Прохожий

В потоке лиц, размытых дымом,
Под гул машин и детворы
Прошли вы, ненароком, мимо,
Как будто, вышли из игры
Без джокеров, ролей и правил
Навстречу молодым ветрам...
А знойный вечер камни плавил,
Сдувая пыль с оконных рам...
Взглянув на вас, забавы ради,
Вздыхнула, замедляя шаг...
Один лишь взгляд... но в этом взгляде
На волю вырвалась душа...
Вы, тешась над моим смятеньем,
Прочли, как надпись на столбу,
В одно короткое мгновенье
Мою нехитрую судьбу
От нескольких нескладных строчек
О слишком ранней седине
До дюжины бездонных бочек
И капель истины в вине...
От незащитности до власти,
От хохота до горьких слёз,
От безразличия до страсти,
Немой тоски и тайных грёз...
От подлости до альтруизма,
От преданности до измен,
От буйности до аутизма,
От нежности до грубых сцен...
От жадности до культа меры,
От золота до мишуры,
От отречения до веры,
От искренности до игры...
От клеветы до явной лести,
От ярости до пустоты,
От счастья до плохих известий...
И от возвышенной мечты
До дьявольского искушенья...
От бездорожья до тропы...
И полного изнеможенья
От изнурительной борьбы,
Опасных взлётов и паденья,
Крушенья тысячи надежд...
Матрикул по кругу общенья —
От звездочётов до невежд...
Прочли, как мчалась по осколкам
Свои сжигая корабли,

А после завывали волки
И кошки на сердце скребли...
Маячила, не зная брода,
Что тень за собственной спиной...
Вы улыбнулись мимоходом:
«Всё это было и со мной...», —
Поспешно удаляясь прочь... Я
Помню этот долгий миг,
Когда, терзая горло в клочья,
Внутри теснился комом крик
И я, застыв у поворота,
Платочком смахивала дрожь...
Ведь вы лишь кто-то... а кого-то
По имени не позовёшь...

Луна

Луна по небу носится...
Всё мечется копьём...
А вдруг возьмёт да сбросится??
Так страшно за неё...
В понуром одиночестве
Слоняется во мгле
Без имени и отчества,
С печалью на челе...
Я, свесившись над городом,
Кричу ей из окна
Охрипшим полушёпотом:
«Послушайте, Луна!
Здесь те же слёзы, ссадины,
Плюс мясо в сюртуках...
Держите, Бога ради, вы,
Луна, себя в руках!
Гладь слаженного осмоса,
Лазурный полумрак —
То кажется из космоса.
Вблизи отнюдь не так!
Здесь желчь бежит по улицам
Мокротой ледяной,
Здесь каждый третий щурится
С дубиной за спиной,
Здесь кровь живёт под кожей и
Отравляет сны...
Везде одно и то же. И
Мы все обречены.
Здесь правда на обман ловка,
Тускнеет бриллиант —
Вот вам и вся романтика...
Вот вам и сбоку бант!
Здесь даже заклинания
И ночь слабее дня
Без вашего сияния,
Без вашего огня...

О любви

В полночный час присел у изголовья
Усталый Серафим с огнём в руках:
«Как можете вы, люди, звать Любовью
Слепое вожделение и... страх
Утраты неминуемой? ... В народе
Мне, доводилось слышать, говорят —
Любовь... она приходит и уходит...»
Промолвил он, роняя тяжкий взгляд...
«Теряя разум, падая и руша,
В стремлении пленить чужую плоть
Вы топчите в своих заблудших душах
Зерно, что завещал взрастить Господь...
Сбиваясь с пульса, сохнете в недуге,
Томительно вздыхая...» Вся в поту
Я, в полумраке простирая руки,
Хватала ртом немую пустоту:
«Не улетай! Прощу, поведай тайну!
Как убережешь заветное зерно?»
В ответ лишь дождь, играя ложкой чайной,
Стучал уныло, притворяясь сном...

Маэстро и вдова Паганини

Смычком снимая злое вето
На волю выпустил скрипач
В хрустальном звоне флажолета
Жар-птицу – затаённый плач...
Под гулкий щебет пиццикато
Трещал по швам потёртый фрак...
Скрипач как в царстве тридесютом,
В свет обращал глубокий мрак...
Быстрее! Сильнее! Выше! Дальше!...
Постой, Маэстро, не спеши!
Ты первый, кто сыграл без фальши
На струнах сломанной души...
Глиссандо с привкусом полыни
Разгульно било зеркала...
Вдова Никколо Паганини
Свой прежний голос обрела...
Взрывая пелену тумана,
Подобно раннему лучу,
Скрипач шатался, словно пьяный
И прижимал её к плечу
Так пламенно... Что было силы...
Целуя гладь его ланит
Она шептала тихо: «Милый,
А нас ничто не разлучит?»
Скрипач ей отвечал, смеясь и
Шутливо струны теребя:
«Никто для нас столь не опасен,
Как сами для самих себя...»

Город-призрак

Доверяя лишь лунному свету
Я брела под покровом небес
И считала во тьме силуэты
Загулявшихся пар и повес,
Промотавших последние крохи
За сбивающий с ног серпантин...
И как будто сменялись эпохи
В отражении тёмных витрин...
Вдалеке на холмистой равнине
Люд, моля об отраде земной,
Поклонялся какой-то богине
И шаман, истекая слюной,
Ударял в свой потрёпанный бубен...
Сквозь вуаль старины вековой
Магистралы дымили и трубы...
Обагривая настил мостовой
Бились готы... а может быть гунны...
Пав в бою, исчезали в пыли...
Доносилось дыханье лагуны
И белели в ночи корабли...
Черепичные крыши и скверы
Прносились... луга и стада,
Коронации и адюльтеры,
И сошедшие с рельс поезда...
Кроны клёнов и лип... а навстречу
Мимо каменных стен не спеша
Шла девица, накинув на плечи
Побелевшую рваную шаль.
В космах ветра сырые порывы...
Так бывает во всех городах...
Я зачем-то спросила: «Вы живы?»
Но она не ответила: «Да...»
Улыбнулась уныло... И прямо,
Но украдкой взглянула в глаза...
Дрожь неслась по прозрачным рукам... а
Она словно что-то сказать
Тщетно силилась... Тяжкое столь же,
Как гора, что не сдвинется с плеч...
Точно знала она нечто больше,
Что в слова невозможно облечь...
А затем всё слилось воедино —
Тишина и немой разговор.
Я стояла напротив витрины
Замерев, и смотрела в упор...
Ощущая туманно – когда-то
Здесь развеян был дух мой и прах

За истлевшей погостной оградой.
Но не всё растворилось в ветрах...
Город-призрак, живая могила,
Усыпальница первых камней...
Я здесь явно кого-то любила
Дольше жизни своей и сильней,
Вышивала твои минареты
Яркой гладью на тонкую ткань...
Ты меня вспоминаешь за это,
Принося ежегодную дань...
Льнут к ногам твои древние плиты
И оббитые сталью врата
Для меня ровно в полночь открыты.
Так бывает во всех городах.

На съедение планктона

Я напишу роман, где все несчастны
В плену оков невежества и зла...
И буду убиваться: «О, ужасно!
За что я их на это обрекла?...»,
Ловя в слезах отчаянно влюбленных
Хоть каплю неизменной чистоты,
Что не исчезнет, в духе Авалона,
Синхронно с воплощением мечты.
Я расскажу всех кукол на витрине,
Диктуя мысли, вмешиваясь в сны...
Герой тужит у ложа героини —
Ей не дожить до завтрашней весны...
На площади кидаются камнями
Верша средневековый ритуал —
У ног еретика играет пламя
И тешится над тем, как он летал...
Вот рыцарь слепо жертвует собою
По прихоти каких-то вздорных дам...
А на щите несут других героев
И лавры достаются их вождям...
Бойцы ушли неслышно, словно тени...
Без имени, без рода и лица...

Они погибли ради убеждений
Туманных от начала до конца...
Земля вберёт их молодые соки,
И даст испить осоке и плеве...
Ещё один страдалец одинокий
Как лютик сник в очередной главе...
Он, расточаясь, ожидал поклонов,
Забыл про время, покупая жизнь...
Фонтан иссяк – и толпы монотонно,
Утратив любопытство, разошлись...
Вот латексом обёрнутые рыбы
Мне предлагают крови и вина...
Я улыбаюсь приторно: -«Спасибо!
Давно предпочитаю пить одна...»
И шагом, полным праведного гнева,
Спешу на растерзанье кутерьме...
По замыслу пера, я – королева!
И ничего, что трон стоит в дерьме.
По замыслу... а может приговору...
Не важно... ибо ясно не вполне.
Последняя глава, в которой скоро
Погаснет свет софитов в тишине...
Откланяются повара и воры...
Что вылупился, недалёкий сброд??
Плесни бальзама на душу актёра!
Иначе он потухнет и умрёт...
Всё. Больше ни строки. Зевая сонно,
Встаю отодвигаясь от стола,
Бросаю на съедение планктона
Совсем не то, что от себя ждала...
Да, редкий путник, в мрачную минуту,
Застигнутый сверканием зарниц,
Отважится искать себе приюта
Хоть на одной из названных страниц,
Где долго и мучительно страдали,
Затем усопли каждый в свой черёд,
Тела отпели, души закопали...
А может быть совсем наоборот...
Но вот, взвиваясь обелиском дыма,
Законно возмутится чей-то крик:
– «А суть-то в чём??»
Она неуловима.
И постоянно изменяет лик...

Гений должен умереть

Пыль, точно мрачный призрак на погосте,
Испуганно металась у ворот...
Дробь барабанов, в мозг вбивая гвозди,
Стелила путь на скользкий эшафот...
Навеселе от солнечной купели
Глумился и толкал меня конвой,
И ветки разгораться не хотели
На плахе по-весеннему сырой...
Пьянящий дым последнего мгновенья
Сжимал виски, стирая круговерть...
А дикая толпа кричала: «Гений!
Ты должен... должен... ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ!!!»
Услужливо подхватывало эхо
И откликалось миллионы раз,
Переплетаясь с идиотским смехом
В чернильных жерлах ненасытных глаз...

...Ночь, прогнала фарфоровые лица
От прахом обращённого костра...
И как Капитолийская волчица
Надрывно завывала до утра...

В 43-м гробу

Презирая любовь, проклиная судьбу,
Неподвижно лежу в 43-м гробу.
Где-то лики святых улыбнутся с холста,
Дрогнет камень, исполнится чья-то мечта,
Пьяный гений шагнёт в роковое окно...
Только мне всё равно и, как прежде, смешно...
Снова сцена и дым... Смуть у райских ворот...
Звон ключей, лязг петель... Каждый рвётся вперёд,
Скирд грехов, словно крест, волоча на горбу.
Меньше толков ценю я такую борьбу!
Мне бы душу согреть от безжалостных слов
В жарком пламени, где нет запретных плодов,
Асмодей исступлённо трясёт головой,
Вскинув руки над дружно горящей толпой.
Скрежет стали, брэнчанье железных оков...
Жаль одно – в преисподней всего семь кругов!

Смешная осень

Смешная осень... ветряная стерва,
Трясущая багровой головой...
Ты для кого-то нынче станешь первой,
Второй... последней... и очередной...
Уж пробил час твоих распутных плясок,
А ты молчишь печально у стола...
Ты как и я, сменяя сотни масок,
Забыла кто ты и зачем пришла...
Смешная осень... в этих чёрных ризах
Мы так похожи! что ни говори...
Я как и ты заядлая актриса...
А может быть и у тебя внутри
Бьёт крыльями дух одинокой птицы
И на се́рдце колотятся дожди?...
Ты знаешь, я хочу с тобой напиться
И разрыдаться на твоей груди...
Могучая, наивная, шальная...
На дне твоей бескрайней западни,
В который раз смертельно не хватает...
Того, кто б смог замедлить твои дни,
Несущиеся в хмурые закаты...
Но я не жду ни света, ни тепла...
Ты вновь поишь меня бодрящим ядом...
Я без тебя сейчас бы не жила...

Город

Неприступный и вечный город,
Парки и колокольный звон...
Тот, кто строил был пьян и молод,
В каждый камешек был влюблён...
Знал, что ветры бывают злые
Всё продумал, но всё зазя...
Уцелел от игры стихии
Только пепел от алтаря.
Город видит, как, строя рожи,
Черти тешутся у ворот...
Но не это его тревожит.
Непонятно чего он ждёт...
Может, чтобы из окон рая
Хлынул дождь и осела пыль...
Просто если сквозняк качает
Крепость —
значит в основе гниль.

Ведьма пьёт чай без сахара

Ведьма пьёт чай без сахара
С вечера до утра...
Ей бы метлу да за гору
Мчать на семи ветрах...
Пьёт за своё бессмертие
Крепкий экстракт тоски,
Всюду скребутся черти и
Рвут её на куски,
Нагло плюются в душу и
В уши хулу кричат...
Если б не эта дюжина
Чёртова на плечах...
Где-то из жарких фраз куют
Путы и каламбур,
Хищно клыками лязгают
Из-под овечьих шкур...
Клёкотом сонной нежити
Булькает кипяток,
Радуга в рваном скрежете,
На волосах венки —
Траурно ветки свесили
Тернии и дурман.
Ведьме до жути весело,
Ведьма сошла с ума.
Льются в потоки вешние
Слёзы сквозь дикий смех...
Будущее и прежнее
Тает как грязный снег.
Трутся у ног и крутятся
Время и хмарь болот...
Ведьме всё время чудится,
Ведьма чего-то ждёт...
И пролетает ночь её
Искрами от костра.
Ведьма пьёт чай. А прочее —
Сказка о двух мирах.

Прикоснуться рукой к проводам

Словно нож в рукаве злого гения,
заглушая мигание фар,
Бьётся сердце, признав преступлением
исключительно каждый удар.

Рёв сирен в затаённом дыхании...
С головы сотрясая до пят
Повторяется вновь заклинанием
б-ти тысячи-вольтный разряд.

Я боюсь, что оно обесточится
и замрёт, не дождавшись суда.
Оттого ль так отчаянно хочется
прикоснуться рукой к проводам?...

Трамвай на Нараяму

Я жду трамвай на Нараяму,
Стою-свищу, курю ганджу...
Но ускоряется упрямо
Нелепый бег по виражу
Сапог и пыльных шляп из фетра...
Читаю мантры громко вслух,
А над толпой подобно ветру
Парит мой просветлённый дух.
Стою, кокетливо флиртуя
С разносчиками суеты
И думаю – какого хуя
Вы тут маячите, скоты??
Ловлю напевы придорожья,
Поток струится по рукам
И чувствую, как воля Божья
Меня возносит к облакам...
Слова любви, сплетаясь в строки,
Бесвязно падают во тьму...
Я так люблю твои пороки,
Что добродетель ни к чему.

Сон

Страстью залят,
Ветром рождён —
Чувствую взгляд,
Знаю, что сон.
Сговор минут,
Пал циферблат —
Стрелки бегут
Только назад.
Сдавленный плач —
Это игра.
Ты – мой палач
Лишь до утра.
Мягко всадил
Острый клинок
И из груди
Вырвал комок
Лёгкой рукой...
Выстрелом в ночь
Слившись с толпой
Двинулся прочь...
Я за тобой,
Словно обвал
С криками: «Стой!
Что ты забрал?»
Топот и лай,
Слепят огни.
«Слышишь? Отдай!
Срочно, верни!»
Тающий шаг...
Мой талисман
Ты, не спеша,
Прячешь в карман
И на меня
Смотришь в упор...
Омут в глазах —
Вздор и задор.
Мир пополам...
Бьют по губам
Дрожь и слова:
– «Где оно?» – «Там...»
Дождь в голове,
В воздухе смех..
След на траве —
Быстрый разбег.
Впору нырнуть
В омота муть.

Страшно одно —
Мелкое дно...

Взоры людей —
Лезвия бритв...
Кровь на земле —
Кто-то убит..
Полог воды..
Вижу тебя —
Я это ты,
Ты это я...

Иероглиф

Паутина ног – лишь миф
В морской строке.
Я как иероглиф
На сыром песке.
Контур стёртых линий,
Вычурный на вид,
В памяти – трясине
Бережно хранит
Под трухлявой грудой
Тайну о любви.
Я вас не забуду.
Вы в моей крови.
Волны жадно слижут
Вмиг узор следа
Я вас не увижу
Больше никогда.

Мысли

Я иду по краю света
В мир, где всё легко и просто,
Слышу, как свистят кометы,
Как на небе дышат звёзды,
Падают в стальные лужи
На осколки разлетаясь...
Демоны воруют души...
Я смотрю и улыбаюсь...
Исполинские громады
И немые саркофаги
Исчезают без возврата,
Растворяясь в полумраке...
В лёгкости бесцветных линий
Нет ни времени, ни границ...
Лишь гудят, как в паутине
Мысли... мысли без названий...
То пронзая острой спицей,
То укутав тёплым пледом...
То как сказочные птицы...
То как вещие приметы...
Обольстительны и строги...
Собираясь пёстрой стаей
Мысли падают под ноги
Я иду, переступая...

Счастье

Счастье совсем не в том,
что ты признанный кем-то Гига-,
где-то в какой-то Экстра-,
с Мега- на поводу...
Счастье, когда ты просто...
Вечно и Беззаветно,
не прикасаясь даже...
этого не отнять.

неслучайно

Постучались как-то в небо
Два влюблённых космонавта:
«Мы уже навоевались!»
Но, блеснув всеядным оком,
Лишь причмокнуло губами,
Распластав в пространстве щёки
Пышно и невозмутимо
Дремлющее Сверхсознание...
То, откуда мы свалились,
Разлетевшись на осколки,
Чтоб любить и ненавидеть,
Сталкиваясь неслучайно...
И швырять друг в друга рьяно
Части Истины единой.

Человек с пробитой головой

Молча шёл и звёзды целовал,
Мирно возвращаясь поздним вечером...
Он в бою истратил все слова
И сказать теперь уж было нечего.

Он искал, но не нашёл. Зато
Знал, что он по-прежнему живой.
Опьянённый гордой высотой...
Человек с пробитой головой...

Летучие фрегаты

«Да, это мир был, кажется, таков...»
Я оглянусь задумчиво быть может
на шорох своих собственных шагов,
необратимо выскользнув из кожи...

И замерцаю огоньком вдали...
Вы знаете, я очень даже рада
тому, что поезда мои ушли...
остались лишь летучие фрегаты:)

Я буду разбиваться без конца,
лишь для того, чтоб заново родиться
и безответно биться в их сердца
умалишённой одинокой птицей.

Моё!

Людам нужны алмазы,
Ландыши и тюльпаны,
Чтобы поставить в вазы,
Чтобы набить карманы,
Чтобы смотреть как вянет
Лист, осыпаясь прахом,
Меркнут, затупясь, грани...
И наблюдать за взмахом
Крыльев, зажатых в клетке...
Следуя пустословью
Наши назвали предки
Хищность свою любовью.
Мысли, сердца и тряпки,
Золото и гнильё...
Лишь бы сгрести в охапку
И заявить: «Моё!»

Звёзд на небе нет!

Звезда сияла миллионы лет
Осеребря здешние просторы...
Вдруг кто-то крикнул: «Звёзд на небе нет!»
И все послушно потупили взоры...
Нетвёрдым шагом побрели гурьбой
Без сущего просвета, всякой цели...
Ощупывая камни пред собой,
Но отступаясь чаще, чем доселе...
С заботой пастуха своих овец
Наперекор всеобщему забвенью
Звезда касалась избранных сердец,
Вселяя вечный свет и вдохновенье...
Нередко её ясные лучи
Нашёптывали истину пророку,
А одиноким странникам в ночи
Указывали верную дорогу.
Взамен не ожидая ничего
Отвергнутое челядью светило
Всем верующим в звёздо-существо
Дарило щедро неземную силу...
А есть ли на планете нашей ветер?
Возможно, некто даст такой ответ:
«Конечно, нет! На нашей-то планете...
Я вас прошу, не сочиняйте бред!»
О, да, мой друг, вы правы без сомненья!
Здесь только ваш уютный кабинет,
Дефляторы, активы и печенье...
А ветра нет! И звёзд на небе нет!

Время

Крадётся каждый миг, лукаво пряча,
В кармане новый жребий, вещий знак...
Лишь час назад казалось все иначе,
Но грянул гром – и всё уже не так...

И ледяная кровь вскипает в жилах,
Внезапный взрыв рассеивает мрак...
И мы в который раз вздыхаем: «Было!...»,
Но часто забываем – что и как...

Неумолимо тает всё, что бrenно
И не замедлить брошенных камней...
И времяпровожденье во Вселенной
Порой сродни полёту на коне,

Из под копыт которого клубится
Туманным током быстрая река,
Несущая слова, дела и лица,
Что оседают пылью на висках...

Найди в душе своей взрывчатку!

С размаху брошенной перчаткой
Ночь бьётся о бетонный воздух...
Найди в душе своей взрывчатку!
Рвани чеку пока не поздно!
Взлетают мысли стаей блеклой
Скрестившись, точно на дуэли.
И пустота толкает в пекло:
«Последний шаг – и ты у цели!»
Дрожат натянутые струны,
В утробе умирают звуки...
И крутят колесо Фортуны
Незримые для глаза руки.
Иду вперёд... чего-то ради...
Несу утерянные звенья...
Лишь некогда покой во взгляде
Стал походить на отчужденье.
Душа с улыбкой Несмеяны...
Скажи мне, что в тебе осталось?
Одни иссякшие фонтаны,
Пренебрежение и жалость...
Уносит ветер покаянья,
Рассеивая над долиной...
И, проклиная расстоянье,
Я с грустью вглядываюсь в спины
Ушедших прочь и уходящих...
Их след посыпан чёрным перцем...
И начинает биться чаще
Моё отравленное сердце.
В кромешной мгле кивает сухо
Грядущее, шепча укороткой:
«Всё впереди! Не падай духом!
Осталось лишь найти взрывчатку...
Найди! покуда не ослепла —
И всё сначала повторится...
Ведь птица-феникс лишь из пепла
Имеет право возродиться...»

Слова про слова

Рита бормочет слова на санскрите..
Лебедь любви, умирающий в Рите,
Оземь ударившись станет жар-птицей.
Рита не ждёт чистокровного принца
На скакуне изабелловой масти.
Ей нужен Мастер...
Серые пряди, дождливые нити...
Город всеяден, криклив и гранитен...
Вымощен бренностью и пустословьем,
Тесен для тех, кому пишется кровью...
Грязнет, постыло гремя кандалами...
Мастер застыл наблюдая, как пламя
Трётся о буквы корёжа страницы..
Скользкие рельсы... Безликие лица...
Всё измеряя резиновой пастью
Время ступает, кроша на запчасти
Скверы, дома, корабли и причалы.
Лишь у любви ни конца, ни начала...
и... говорят —
рукописи в огне не горят...

На дне рожденья

За окном третью вечность туман...
Скрип колодок, исполненный фальши...
Остановка: «Здесь сходят с ума!»
Все сошли. Я поехала дальше
В глубину Абсолютных Пустот,
Где царит лишь Свобода паденья...
Глохнет внутренний автопилот,
Погружаясь на дно...
дно рожденья...
В чистоту вековечных пучин...
Я увижу подводные скалы
В беспричинной причине причин,
В безначальном начале начала...
И ответ, бестелесностью глаз,
На вопрос, не дающий покоя —
Почему я хочу только Вас,
а взамен получаю другое...

В Никуда

Когда, вернувшись на круги своя,
Реальность пробудится ото сна,
Останутся лишь двое – Вы и я...
Не верю в то, что это я одна
Придумала луга и облака,
Войну и Мир, стихи и поезда...
И то, как, прорастая сквозь века,
В который раз уходим в Никуда...

С колеса Сансары

В отблесках Лунной фары
Падал, дрожа, билет...
И с колеса Сансары
Спрыгивал силуэт.
Дар обратив в удар, но
Так и не сдвинув ось...
Искренне благодарный
Каждой, с кем довелось...
Самой последней дряни,
С коей маршрут был схож,
За разможивший камень,
Всаженный в спину нож...
Ангелы над столицей
Подняли шум и гам.
Мне б за него молиться...
Знать бы каким богам...

Догореть

Едкий дым пророчеств,
Пепел-порошок...
Без имён и отчеств
Тоже хорошо.
Соловиным свистом
Разразится рак...
То, что было исто,
Всё сбылось и так.
В сказочном полёте
Над землёй руин
Счастье не колотит
И не душит сплин.
Чёт сменяет нечет...
В облачных мехах
Ровно каждый вечер
Некто впопыхах,
Вскапывая воздух
Жилистой рукой,
Зажигает звёзды.
Безвести – на кой...
@ Чтоб над каждой крышей...
Свято. В полный рост.
Затаённо дышит...
И по воле звёзд
Кто-то вновь контужен,
Пьян, или спасён...
Просто звёздам нужно
Догореть. И всё.

Ницше в метро

Мама! я видела Ницше в метро!
по ту сторону зла и добра...
Он громко молчал, притворившись горой...
Он правда был точно гора...
Один на один с целым миром... слегка
понурий... святой палач...
Я слышала стук у него в висках
и грудь надрывающий плач...
Мне так захотелось его обнять...
Но когда он поднял свой взор...
Мама, он дважды убил меня
одним этим взглядом в упор.
Я ради того, чтоб быть с ним заодно...
Но он вышел под шелест газет...
Что, мама? он умер?... давно уже, но
Тебя же ведь тоже нет...

Плачут берёзы

Скрип и скрежет в берёзовой чаше...
Вялой поступью, как миражи
Бродят тени... и в тех, что послаще
Беспощадно вонзают ножи,
Нанося легкомысленно раны
Наотлёт... то в сердца, то в висок...
И струится по слаженным станам
Карамельный берёзовый сок.
Горьким шелестом меццо-сопрано
Сотрясается каждый листок —
Рвётся плач из души деревянной:
«Почему этот мир так жесток?»
Беззащитно вздымаются плечи
Повторяя беззвучно вопрос...
Только тени друг друга калечат
Точно также. Что ИМ до берёз?...

Нерождённые Мы

Голубыми глазами блеснув,
Небеса погрузились в весну
И железные птицы войны
Продырявили долгие сны..
Я учусь умирать у зимы,
С мыслью об огнедышащем лете.
Слышу, как уклоняясь от пуль,
Рыжей кошкой крадётся июль,
А за ним Нерождённые Мы...
И цветут на лугу наши дети...

Прощание с Зимой

Она вошла, совсем седая,
Держась за сердце ледяной
Рукой: «Налей-ка, дочка, чаю!
Уж шибко на дворе весной
Повеяло... На косогоре
Проснулся по утру ручей...
Ох, чую, пошатнутся вскоре
Под гомон озорных грачей,
Несущих ветреную шалость,
Мои хрустальные мосты...
И так уж мало что осталось
От прежней гордой красоты...»
Взглянула в зеркало: «Нет мочи
Сражаться за свои права...
Смотри, как побелели ночи,
Как разыгралась синева!...»
И встала, опрокинув блюдца:
«Прощай! Ни пуха ни пера!»
И, не успела я очнуться,
Исчезла в дымке... До утра
Я слушала, как меркли скрипы
Её шагов в сурьме луны...
И с треском вздрагивали глыбы
Под звонким каблучком весны...

Что нам до...

Что нам до снега, что не выпал...
Что до дорог, которых нет...
До безутешных слёз и всхлипов
Того, кто не рождён на свет...

Что нам до снов, что не приснились,
До усыпальницы пустой
И на ладонь осевшей пыли,
Что некогда была звездой...

Ветров, которые не дуют,
До «Я», не ставшего собой
И самых страстных поцелуев,
Не преподнесенных судьбой...

Что нам до истин безымянных,
Не существующих ролей,
До не прилаженных карманов
И не отмеренных долей...

Что нам до... но, мы думать рады
О том, что где-то за окном
Нет ничего светлее ада,
Пройти который не дано.

Космическая пантомима

Ещё пол шага, но без головы.
Ещё пол слова, но уже без звука...
И разошлись, как зажившие швы,
галактики, летевшие друг к другу,
изображая миллиарды лет
комическую траги-пантомиму...
в чужих мирах растрчивая свет...
И улыбнулись, пролетая мимо.

Я так хотела

Я помню, как она вошла
В аспидно белом
Не отражаясь в зеркалах.
Я так хотела.
Мелькнула тенью по стене
Немым оскалом...
Шатаясь, подошла ко мне
С пустым бокалом
И протянула: «Пей до дна!»
Мне было горько,
Но я глотала, а она
Смотрела только...
От поцелуев хрустала
Дрожало тело,
Вставала на дыбы земля...
Я так хотела.
По ком-то колокол звонил...
Господня воля...
И раб судьбу благодарил...
Такая доля...
Легко переступив черту
Я полетела
В кромешный мрак и пустоту.
Я так хотела.
Пронзая души на лету
Эфирной шпагой,
Вдруг поняла я, что иду
Нетвёрдым шагом...
Точнее еду на коне,
Как чёрный рыцарь...
И в спину шлют проклятья мне
Мои убийцы.
Как просто уходящим вдаль,
Но сложно первым...
Я подношу к губам хрусталь
Рукой Минервы
И пью за тех, кто устоял
На тонкой грани
И всех, кто за свободу пал
На поле брани.
Я знаю, вы один из тех,
Кто канет в Лету...
Присядем, я открою вам
Свои секреты.
Я посмотрю на вас в упор
И брошу: «Здрасте!»

И вы поймёте: время – вор
Не только страсти...
И удивитесь: «Чудеса!
Оно сгорело!»
Отвечу: «Убедитесь сам!
Я так хотела...»

Пусть

В предутреннем тумане умирая,
Последним взмахом ослабевших рук,
Безмолвие, подобно самураю,
Вонзило себе в сердце первый звук.
Забрезжил свет. На миг последний грамм мне
Напомнил кто я, для чего и где...
И сам Господь, разбрасывая камни,
Гулял по небу, словно по воде...
Бесцветным шагом, призрачно взирая
Поверх... не ненавидя, не любя...
Стирал следы, дошедшие до края,
Трагически бежавших от себя.
В безличном океане сонный гений
Казался шуткой воспалённых глаз...
Ошибкой своих собственных творений...
«Вот... затянитесь, что ли, пару раз...»
Срастаясь с вдохом искажённой тени,
Он докурил из рук моих чилом.
И, пав друг перед другом на колени,
Мы бились в исступлении челом...
А Вечность, расправляя нейросети,
Над нами сладким заревом плыла...
Пусть войны уходят на рассвете,
Легко оставив бранные тела...

Галлюцинации по поводу реальности

*Мир, как пузырь, парящий в круговерти...
Пестрит, пока не лопнет... а внутри
Жизнь происходит накануне смерти,
Как ночь в преддверье утренней зари.*

а Он курит и верит

а Он курит и верит в то, что курит и верит. Он только за этим вошёл в эти двери, чтоб ступая по белому полотну, напряженно вытянув руки, погружаться в Свою тишину, Свои запахи, краски и звуки.

и когда Он скроется За, для того, чтоб возникнуть На, погаснут все звёзды и светофоры. останется лишь белизна без единого следа, который подтвердил бы Его сбивчивую повесть о том, что где-то существует вода... города и рассветы...

а потом кто-то тронет Его за плечо и, указав на двери, предложит путёвку в новую жизнь... и Он, доверчивый дурачок, конечно же, снова честно отмерит 21 грамм Своей безграничной души, что бы податься туда, где стаи овалов хаотично мечутся в броуновском движении, называя это походом в кино, на работу, или в больницу... декодируя в голограммы сигналы, пишут стихи и постоянно лечатся от чего-то... всецело в гипнотическом подчиненье...

Он не забудет их лица.

не досчитав до ста

однажды я, не досчитав до ста, шагнула с высоты многоэтажной. и оказалось, что могу летать. всё остальное сделалось неважно. внизу который век тянулся бой —

живые механизмы шли под пули, лежали в койках с сорванной резьбой, но щупальцы по-прежнему тянулись. передвигали чинно кандалы и рок-н-ролл играли на рояле...

и великаны из зелёной мглы спина к спине квартетами стояли... протягивая руки к небесам, поверх всего, невидимые оку... а механизмы, строго по часам шли, сторнясь погостов и пророков...

ОНИ СПЯТ

колкий взгляд с головы до пят... они снова хрипят. им душно. под ногами скрипят этажи и всё больше мотивов жить переходит в особый разряд «не особо-то это нужно».

затянусь и у самого края, улыбаясь, замедлю шаг... я так рада, что умираю... в этой жизни всё шло не так...

и очнусь среди мятых страниц... да какая вам разница, что я курю?? по тибетскому календарю нет сезона самоубийц.

да, я чудом спаслась, но знаю – там, внутри, остались они. и, зависнув между мирами, безнадежно смотрю на огни. каждый вечер. не надеюсь уже на встречу. не считаю ни дни, ни месяцы. я им сбрасываю петлю, предлагаю на время повеситься: «вы не бойтесь... я оживлю...». но они коронуют идущее к краху, убивая друг друга во имя Аллахов. твёрдо сидя на мягких стульях, чинно поют «аллилуйя». плодятся, чтоб ставить в рамочки семейные фото. и пять дней в неделю ждут субботу.

они спят. и не видят меня в своём сне.

неполиткорректное

давайте покурим какой-нибудь дури и дружно представим, что было бы с нами, если бы Гитлер выиграл войну. многие скажут: «да ну...», или даже: «ну что за х@йня...» извините, канебббна, меня, но у евреев был бы свой собственный остров посреди сверкающих волн океана. сугубо курортное гетто. все были б обуты, одеты. и не было б дефективных. во всяком случае, от рождения. только гении. поголовно. безусловно, по меркам Третьего рейха.

я была бы наложницей шейха, сидела в шатре на полу, перелистывая Mein Kampf и игралась с домашним ягуаром где-нибудь за экватором, перебирала струны ситара и, наверное, наконец бы узнала разницу между оргазмом и экскалатором...

не было б Евромайдана и, сколь искренне мне ни жаль, ослепительных гей-парадов. увы. зато спецслужбы погубили бы меньше народа и вы летали бы на заводы на дисковидных дерижаблях, не опасаясь ни капли за то, что через мгновение начнётся развал схождения.

всё было бы проще простого. мир без холодной войны, Кубинской революции, феминизма и проституции... космическая идиллия красных и синих рептилий... сплошные улыбки на усатых лицах. и, к слову, Шамбала была бы нашей столицей.

ИЗВЕСТИЕ

мы черпали с Ошо одной колошей. поэтому так похожи. мы лежали с Ницше в одной больнице. нас тошнило от одних и тех же лиц. Фрейд вливал в меня чай с кокаином. может в этом и есть причина?...

того, что от цивилизации Созвездия Тельца получила, намедни, известие... такое, о чём не пишут в мемуарах даже полководцы...

оказывается, вся наша жизнь протекает на дне колодца! люди теснятся, не замечая лестницу. снятся друг другу, отсчитывают мгновения... ибо бытует мнение, что в Кали югу проще пропить свою душу, чем выбраться вверх наружу.

последний литр

однажды закончилась нефть и у винного магазина двое дрались на смерть за последний литр бензина. нудный дождик, кольцом толпа... но никто их не остановит. они бились, у ног упав, до последнего грамма крови, что стекая из рваных ран, растворялась в беззвёздной луже. рядом мавр листал Коран под гудение Мулен-Ружа, подпирая фонарный столб... зябко кутаясь в рваный свитер... и неведомо в чьём авто догорит сей злосчастный литр...

ВСЕ МЫ НЕМНОГО ТАНКИСТЫ

золото инков в звёздных пылинках. приторный кофе, смерть философий. мы свободны для пустоты.

ночь разводит мосты между мной и координацией. намекает: «свяжись по рации, посчитай перелётных птиц и случайные облака». нет границ, лишь предчувствие тупика. на уснувшей от скуки станции все одеты в газеты. перевозчица в мир живых так пьяна, что не может поднять весло. как назло...

этот миг никогда не кончится. разве что на седьмые сутки,

когда Бог сотворит новый мир и раскрошит бесплатный сыр для церковных мышей... и создаст на корону – по стае бомжей, на монахиню по проститутке... и зальёт соловьиным свистом размалёванные закаты. и будем мы этому рады. ведь все мы немного танкисты и чуточку акробаты.

СТИХ

Люди кричат: «по машинам!» Мне же слышится: «Помаши нам!» Я машу из последних сил. Переглядываются: «Дебил... чё он там истерично машет?...» – кто-то скажет. – «Убогий псих...» Вот такой получился стих.

на съедение

Люди, блюдите уши! ведь уши – порталы в души. сквозь них проникает мораль. и искренне жаль, если кто-то, сие недокушав, отправится в Монреаль. в такую-то даль... просто ужОс!

ТЕНЬ

злая мудрость, затменье разума... нахлобучив на плешь корону из картона с цветными стразами, тень блуждала по небосклону. покосилось и перевесило. нервный смех, кувырок, паденье. я лежала и было весело наблюдать за своей же тенью...

Маяковский в кружевной пижамке

неведомый читатель в хрупкой рамке, да знаешь ли ты что-нибудь о том, как Маяковский в кружевной пижамке стаканами глушил, сложив крестом чернилами измазанные руки?? как Иисус, вдыхая анашу, строчил Святой Завет? читайте ж, суки! для вас, по сути дела, и пишу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.